

УДК 930.2+303.425.5:323.1(470)"18/20"
DOI: 10.17223/19988613/65/23

А.Н. Садовой, М.В. Белозёрова, В.П. Зиновьев, В.М. Кулемзин

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА XIX–XXI вв.

Очерчен круг методологических проблем в отечественной историографии этнонациональной политики. Анализируются тенденции изменения предметной области исследований, определяемые сменой научных парадигм, включением современных этнических процессов в контекст генезиса государственных институтов, политических, социально-экономических и культурных процессов и идеологических конструктов. Предложено качественное изменение предметного поля интеграционных исследований на стыке истории, этнографии, этнологии, социологии, политологии и культурологии.

Ключевые слова: национальная политика; методология; методика; этносоциальная обстановка; этнологические экспертизы; историческое мифотворчество.

Введение

Модернизация форм государственного устройства и социально-экономической инфраструктуры российского государства на основе воссоздания института частной собственности актуализировала внимание к историческому опыту регуляции межэтнических отношений. Возросший в среде историков, политологов и политиков интерес к этой проблематике во многом определяется этносоциальными последствиями распада СССР, сепаратистскими тенденциями начала 1990-х гг., формированием националистических политических режимов в ряде вновь образовавшихся на постсоветском пространстве стран, а также тенденциями, связанными с этнической идентификацией, национальным самоопределением и автономизацией различных этносов собственно внутри РФ. Объективно эти процессы однозначно можно отнести к категории «этнических», имеющих, как правило, латентную форму и выступающих фактором прямого или косвенного воздействия на ситуацию в субъектах РФ. Исторические прецеденты показывают, что в случае дестабилизации социальной обстановки этнические процессы могут способствовать углублению проявившихся в начале 1990-х гг. центробежных тенденций на региональном уровне. Проблема осознания среднесрочных последствий этнических процессов наиболее актуализируется в субъектах с полиэтничным составом населения.

В этой связи осознание рисков распада государственности в научном сообществе и политических кругах в какой-то мере способствует формированию социального заказа на информационное сопровождение проводимого политического курса, к выполнению которого привлекаются научные коллективы подразделений РАН и высшей школы. Это проявляется в попытках ввести в правовое поле предпринимаемые в субъектах РФ шаги по организации мониторинга этносоциальной обстановки и проведению этнологических экспертиз [1–4], отчасти направленные и на выявление «реакции» полиэтничного и поликонфессионального населения страны на проводимый политический курс.

Формирование социального заказа прослеживается и в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года» (п. 32) [5], в которой предусматривается корректировка проводимого политического курса «...с учетом... мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях...». Таким образом, очерчивается требование создать на региональном уровне иерархически соподчиненную систему сбора и анализа информации о системе межэтнических отношений и этнических процессах, проявляющихся на уровне не только областных и краевых, но и муниципальных образований.

Предложенный в Стратегии подход входит в определенное противоречие со сложившейся в России практикой коррекции проводимого курса, при котором мониторинг социальных процессов и этносоциальной обстановки подменяется экспертными заключениями, выводами пилотажных исследований (опросов) социологов и материалами массмедиа. Поэтому, с нашей точки зрения, необходимо акцентировать особое внимание на существовании грани между представлениями о динамично меняющейся системе внутри- и межэтнических отношений и научным прогнозом направлений, динамики и механизма этнических процессов, инициирующих межэтническую (вариант – межконфессиональную) напряженность, при этом не оспаривая необходимости комплексной, или системной, оценки сложившихся на местах представлений о текущей этносоциальной обстановке и права представителей органов региональной власти и экспертного общества на эту оценку.

Цель исследования – на основе анализа предметного поля исследований по национальной проблематике очертить апробированные и инновационные методологические подходы, используемые при выявлении и анализе социальных процессов в среде этнических меньшинств, а также при оценке эффективности национальной политики России на разных этапах исторического развития. В статье проанализирован опыт раз-

вертывания системы этносоциального и этнологического мониторинга на региональном уровне.

Методологические аспекты исследования национальной политики

Согласно мировой и отечественной практике, научное прогнозирование изменения характера межэтнического взаимодействия проводится на основе определенных по массовым (статистическим) источникам текущих процессов, их сопоставления с выявленными тенденциями этногенеза, социогенеза и культурогенеза (по этническим группам), очерчивания внешних факторов воздействия на эти процессы, включая проводимый государством курс социальной политики. В связи с этим и в соответствии с методологическими принципами системного подхода «суждения» и «оценки» не могут рассматриваться в качестве логического основания для определения направленности, динамики и содержания социальных процессов (включая этнические), охватывающих достаточно широкий хронологический срез. В лучшем случае на их основе можно очертить сферу столкновений групповых интересов на разных этапах этнической истории и сформировать рабочую гипотезу о механизме (комплексе причинно-следственных связей) формирования очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной конфронтации.

Основой для прогнозирования изменения этносоциальной обстановки могут служить динамические ряды (результаты обобщения первичных статистических данных), отражающие качественные и количественные изменения в социальной структуре изучаемых сообществ, включая институт семьи и клановую организацию, содержание и структуру внутри- и межэтнических коммуникаций, процессы адаптации традиционных социальных институтов этнических меньшинств к проводимой государством социальной политике. Только в этом случае можно выявить и отразить направленность социального процесса, его глубину и внутреннюю противоречивость. При таком подходе проводимый курс национальной политики выступает одним, но далеко не единственным фактором прямого и косвенного воздействия на традиционные социальные институты (семью, родовые, хозяйственные, конфессиональные и т.д.), являющиеся объектом исследования. Подразумевается, что смена курсов национальной политики вследствие изменения форм государственного устройства, политических режимов, идеологием, рассматриваемых в качестве политических процессов, позволяет очертить механизм (комплекс причинно-следственных связей) и модели (локальную специфику проявления социальных процессов) трансформации традиционных общественных институтов и коммуникаций. Применение «моделирования» как методического приема поиска исторических аналогов при одновременном использовании техник историко-сравнительного (компаративного) анализа входит в научный инструментарий научного прогноза средне- и долгосрочных последствий текущей национальной политики.

Опыт мониторинга этносоциальной ситуации и научного прогнозирования

Следует отметить, что в среде современной западной политической элиты, в отличие от российской, восприятие необходимости научного обоснования прогнозирования последствий принимаемых политических решений на основе осознания механизма, природы и направленности этнических процессов у этнических меньшинств и титульных этносов сформировалось во второй половине XX в. В качестве примера можно привести национальную политику США на территории Аляски [6–13] и Канады. Там принятию в 1970–1980-е гг. нормативных актов, определяющих изопрямги этнической территории, системы местного (сельского) самоуправления, правовых основ регулирования и согласования на региональном уровне природопользования коренного населения, предшествовало комплексное обследование, а также анализ истории и характера взаимоотношений на уровне «сельские анклавы – правительство штата – федеральные органы управления». На основе материалов комплексного обследования, охватывающего каждый сельский анклав, была создана база данных, которая постоянно и осознанно обновлялась органами региональной статистики, и сформирована система правового регулирования природопользования сельского населения с учетом его этнического состава. В свою очередь, на основе уже обобщенной (по районам и этническим группам) базы данных, открытого доступа к материалам текущих обследований сельских населенных пунктов для социальных и прикладных антропологов США и Канады была сформирована фактическая основа оценки и научного прогноза изменения этносоциальной обстановки, направленная на анализ эффективности проводимой на региональном уровне политики.

Следует особо отметить, что в основу проводимой национальной и экологической политики изначально была заложена идея ограничения возможности доступа этнических меньшинств к подземным ресурсам. В ее концепции последовательно проводилась линия правового отчуждения той части этнической территории, на которой в перспективе могли быть развернуты предприятия горнодобывающей промышленности. Курс на консервацию традиционных социальных институтов и сохранение на этой основе «племенной» (субэтнической) самоидентификации и традиционной культуры, таким образом, стал проявлением не столько гуманитарной направленности социальной политики, учитывающей широкий спектр интересов этнических меньшинств, сколько проявлением политики протекционизма по отношению к крупным корпорациям, способным, в отличие от этнополитических объединений этнических меньшинств Аляски, обеспечить устойчивое развитие приполярных и полярных территорий при сохранении ландшафтов и биоразнообразия.

Особый интерес представляет то, что проводимый США курс региональной национальной политики в этом штате опирался на признание преемственности и непрерывности племенной (tribal) организации как

традиционного социального института, являющегося объектом политики и субъектом договорных отношений. При таком подходе территория традиционного природопользования рассматривается в качестве подконтрольной племенным лидерам (chiefs) этнической территории, отчуждение которой может проводиться только федеральными органами власти на компенсационной основе, а не властью штата. На этой основе структурами государственной власти признается правомерность национальных лидеров выступать субъектами договорных отношений с государством.

Этот подход, оформившийся только в конце XX столетия и только в границах одного достаточно специфического штата, обеспечивает, с одной стороны, социальную поддержку этническими меньшинствами центрального курса национальной политики и устойчивое противостояние проводимому администрацией штата курса на раскрытие рекреационного потенциала территории и организацию контроля на этнических территориях деревенских корпораций. С другой стороны, снимает с центральных и региональных органов власти и бизнес-структур риски компенсаций за развертывание в будущем горнодобывающих предприятий на уже отчужденных этнических территориях. То есть ответственность за утрату этнической территории на предложенной государством правовой основе в долгосрочной перспективе возлагается собственно на национальную элиту, согласившуюся с этим отчуждением.

Приведенный пример достаточно ярко свидетельствует о наличии латентной взаимосвязи между искусственно формируемой центральными органами власти этносоциальной средой, направленной на консервацию традиционных институтов как социальной технологии ограничения доступа к ресурсам на «этнической территории», и механизмом (комплексом причинно-следственных связей) стремления сельских анклавов автохтонного населения сохранить этническую и социальную идентификацию в качестве фактора вхождения в государственные и региональные социальные программы. Оба процесса как проявление последствий применения социальных технологий (с обеих сторон) выступают объектом научного прогнозирования, при котором этническая история и культура рассматриваются в качестве перманентного фактора воздействия на современную этносоциальную обстановку.

Здесь следует отметить и то, что с позиции экспертного сообщества, ориентированного как на информационное сопровождение региональной национальной политики, так и на противодействие данному курсу со стороны оппозиционных сил, процедура исследования этнической истории меньшинств уже рассматривается в контексте анализа взаимосвязи широкого спектра политических, социально-экономических, этнических процессов. Динамика изменения структуры семей, экономической мощности хозяйств, компенсационных выплат и тому подобного прослеживается на основе не только описательных, но и статистических источников при последовательном расширении хронологических рамок исследования. Современные этнические процессы рассматриваются в контексте проводимого курса национальной политики в течение

нескольких столетий, что диктует формирование системы регионального этнологического мониторинга на основе формирования банка данных по всей совокупности результатов обследования сельских анклавов. На Аляске в библиотеке Университета Аляски (г. Фэр-бэнкс) создан фонд научных отчетов, которые позволяют рассматривать этническую историю каждой из локальных групп автохтонного населения штата как комплексно, так и дифференцированно с момента присоединения территории к США. При этом характерно, что курс национальной политики России на Аляске уже традиционно для англо-американской историографии подвергается резкой критике, исходя из геополитических интересов США, и не только в циркумполярной зоне.

Принимая во внимание изложенные тезисы, нелишним будет отметить, что методологические подходы американской историографии в области прикладной антропологии формируют предметное поле исследований за счет существенного расширения хронологических рамок спектра интеграционных исследований, к которым активно привлекаются историки, этнологи, социологи, экологи, политологи, экономисты, а также формируют основу для научной критики зарубежной историографии, включая и российскую. Одним из характерных признаков этой критики является грубейшее нарушение принципа историзма, когда оценка эффективности национальной политики государства-«противника» и в целом историографии осуществляется с позиций существующего постиндустриального общества и либеральных ценностей.

Вследствие этого инструментом для критики выступают нормы международного права, определяющие приоритеты коренных малочисленных народов в области природопользования и сохранения традиционной культуры, признанные международным сообществом во второй половине XX в. То, что эти принципы сформированы в ходе длительного социокультурного развития международных социальных институтов и, в сущности, не выдерживаются в полном объеме ни в одной стране мира, как правило, игнорируется.

Проблема заключается в том, что начиная с 1990-х гг. предлагаемые подходы критики социальной политики по отношению к этническим меньшинствам органически вписываются в содержание уставных документов многих институтов гражданского общества – экологических, природоохранных, национальных общественных организаций, – оказывая прямое или косвенное воздействие на отечественную историографию. В динамично меняющемся общественном (групповом) сознании в той или иной мере уже заложена концепция «вторичности» национальной политики российского государства по сравнению с зарубежным опытом.

Для определения обоснованности такой точки зрения, на наш взгляд, необходимо скорректировать предметное поле исследований, посвященных этнической истории народов России и проводимой государством национальной политики.

При сопоставлении логического основания разработок отечественной и зарубежной историографии особый интерес представляет то, что, например, в США, осо-

знанно или не осознанно, но с конца XX столетия используются стратегии и социальные технологии решения национального вопроса, апробированные с начала XIX в. в отдельных национальных районах Российской империи. Об этом свидетельствует отечественная историография, посвященная реализации принципов «Устава об управлении инородцами» М.М. Сперанского 1822 г. на территории Сибири. Объективно политика, проводимая Кабинетом его Императорского Величества в границах Алтае-Саянского экорегиона по отношению к этническим меньшинствам вплоть до начала административно-территориальных реформ конца XIX столетия, не имела принципиальных отличий от современной политики США на территории Аляски и Канады. Как известно, она основывалась на признании в качестве объекта и субъекта национальной политики традиционных социальных институтов, судопроизводства, систем природопользования, интеграции национальной элиты в структуру местного самоуправления, ограничения переселений на этническую территорию [14]. Более того, практика комплексного обследования этносоциальной обстановки этнических меньшинств, сохраняющих традиционные социальные институты, системы природопользования и жизнеобеспечения, перед проведением реформ в России сложилась уже к концу XIX в. и активно использовалась в первые десятилетия существования советского государства.

В качестве примера можно привести деятельность на территории Горного Алтая в конце XIX – начале XX в. комиссии С.П. Швецова, на территории Горной Шории и части Кузнецкого уезда – Переселенческой комиссии 1920-х – начала 1930-х гг. [15], проведение Полярной Переписи 1926–1927 гг., Всесоюзной переписи населения 1926 г., Всесоюзной школьной переписи 1927 г. и другие комплексные обследования национальных районов (к примеру, карточки населенных пунктов в сельской местности, поселенные похозяйственные списки, сводные поселенные списки и др.), позволяющие провести корректное сопоставление по этническому признаку демографических, социально-экономических и социокультурных показателей, полученных на основе материалов полевых обследований сельских территориальных образований. В основе этих работ лежало осознание со стороны органов исполнительной власти в центре и на местах, что при многоукладном характере экономики сельского населения, используя только обобщенные статистические данные на уездном (районном) и губернском (региональном) уровнях, достаточно сложно раскрыть функционирующую систему поземельных связей и эксплуатации природных ресурсов, в которой основным регулятором выступают нормы обычного права – социальный институт, имеющий четко выраженную этническую специфику.

Проводимая на территории России национальная политика во многом основывалась на принципах рационализма и морально-этической составляющей двух мировых религий – христианства (православия) и мусульманства, отрицающих широко распространенную в странах Европы и Америки практику решения наци-

онального вопроса за счет геноцида, этноцида или насильственной ассимиляции народов, находящихся, согласно господствующим там идеологическим установкам ранжирования народов, на «низших» ступенях политического, социально-экономического и культурного развития. Следует особо отметить, что диктуемые в настоящее время в европейских странах и США принципы «толерантности» по своему содержанию не имеют никакого отношения к политике «патернализма», основанной на принципах веротерпимости и консерватизма по отношению к традиционным социальным институтам, особенно к институту семьи. Изменение этого курса, обусловленное принятием в Советской России, а затем в СССР, теории марксизма-ленинизма в качестве идеологической основы с учетом более чем тысячелетней истории российской государственности, не является историческим казусом или отклонением от политической традиции. Это – стремление «ускорить» исторический процесс интеграции этнических меньшинств в политическую, социальную и социокультурную среду российского государства, что было связано с низкой плотностью населения, отсутствием развитой транспортной системы, многоукладностью экономики сельских анклавов, конфессиональной спецификой социальных регуляторов на значительной части территории Российской империи и затем СССР. Поэтому перед органами государственной, региональной и местной власти стояли те же самые системные проблемы, которые столетиями не были решены и во многих странах мира – сохранение государственного суверенитета, формирование условий для устойчивого экономического развития не только центра, но и периферии (национальных окраин), создание унифицированной системы управления и судопроизводства, развертывание системы и сети учреждений образования и здравоохранения, обеспечивающих расширенное воспроизводство и социальную мобильность.

Как показал опыт СССР, системное решение очерченных задач стало возможным только на основе централизованного управления ресурсами всей страны и проведения жесткого политического курса, диктуемых государством темпами «роста». В этом контексте научное прогнозирование изменения социально-экономической инфраструктуры национальных районов коррелировало с мониторингом исполнения принятых на союзном уровне решений. Стоит отметить, что исторических прецедентов проведения социальной модернизации в столь краткие сроки без применения мер государственного принуждения, что отразилось и в проводимом в СССР курсе национальной политики, в мировой истории не прослеживается. Этот тезис поддерживается и тем, что после распада СССР в конце XX в. союзным субъектам, за исключением РСФСР, достаточно трудно было сохранить созданную производственную и социальную инфраструктуру, контроль за ресурсами своей территории. Сложившаяся ситуация отражает общую тенденцию – переформатирование форм государственного устройства и политических режимов на основе идеологии национализма показывает в среднесрочной перспективе историческую несостоятельность.

Акцентируем внимание на том, что использованные российским государством социальные технологии решения национального вопроса на разных этапах истории, даже в своих крайних проявлениях (репрессивная политика, переселение и депортации и др.), характерны не только для России; в глобальном отношении они имеют универсальный характер. Их активное использование можно проследить в политической истории государств Европы, Азии, Америки. Общеизвестно, что Великобритания и США в своей внутренней политике в течение XIX–XX вв. активно использовали технологии депортации: Великобритания – при организации «трудовой миграции» для обеспечения рабочей силой своих колоний; США – при формировании резерваций автохтонного населения континента, концентрационных лагерей для японцев в годы Второй мировой войны. Контроль за этническим составом населения, ослабление позиций национальных элит на этнической территории посредством организации миграций – технологии, характерные для всех империй, не только российской. Что касается применения инструментов насилия и политики этноцида как составляющей курса по формированию моноэтнических государств, то эти технологии прослеживаются повсеместно в течение последних двух-трех столетий. В качестве примера можно привести страны Восточной Европы (Австро-Венгрия, Польша, Чехословакия и др.) с характерными проявлениями антисемитизма, геноцидом русинов, массовыми депортациями немцев уже в послевоенный период, сопровождавшимися конфискацией имущества, определившими высокие показатели смертности гражданского населения. Близкий по содержанию курс национальной политики, ориентированный на преференции титульным этносам, прослеживается и на постсоветском пространстве (страны Прибалтики, Средней Азии, в последнее время – Украина) начиная с 1990-х гг.

При аксиологическом подходе анализа содержания национальной политики России в отечественной и зарубежной историографии, как правило, игнорируется ее специфика, которую можно проследить по средне- и долгосрочным результатам. Ее следствием однозначно являются сохранение этнического состава государства и осознанное формирование институтов государственной власти, позднее институтов гражданского общества в среде этнических меньшинств, не имевших ранее опыта государственного строительства. Объективно эта политика и привела к выходу из состава СССР тех субъектов, сформированная политическая элита которых была уверена в дальнейшем устойчивом социальном развитии своих республик на основе декларации суверенитета. То, что правящая элита созданных на постсоветском пространстве государств формировалась в том числе и из представителей партийно-комсомольского актива, определяло идеологическое сопровождение этого процесса на основе исторического мифотворчества, выявившего основные тенденции развития региональной историографии [16]. Характерными признаками последней стали «очернение» истории нахождения различных этносов вначале в составе Российской империи, а по-

том – в СССР, четко выраженная русофобия, по своему содержанию идентичная антисемитизму в его крайних проявлениях. Следует акцентировать внимание и на ставшей уже характерной в отечественной историографии традиции критики как с марксистско-ленинских, так и с либеральных позиций проводимого курса национальной политики на всех этапах российской истории.

Следует подчеркнуть, что в отечественной историографии фактически нет работ, посвященных анализу национальной политики России с использованием принципов системного и компаративного анализа, позволяющего дать ее оценку на основе сопоставления с «историческим фоном», т.е. с национальной политикой сопредельных государств с позиции их идеологических и мировоззренческих установок. Крайне ограничен круг работ, рассматривающих преемственность национальной политики российского государства и этнической истории многонационального населения страны в имперский, советский и постсоветский периоды.

Аналогичная ситуация складывается в ходе определения меж- и внутрирегиональной специфики национальной политики на разных этапах исторического развития с учетом полиэтничного и поликонфессионального состава населения нашего государства. В основе современной критики национальной политики, широко представленной в специальной научной литературе и особенно в массмедиа, прослеживается присутствие в общественном сознании ряда составляющих. К таким можно отнести: бесконфликтное решение национального вопроса, этническое мифотворчество, определение «врага» по этническому признаку. Все они тесно взаимосвязаны. Рассмотрим их более подробно.

Тезис о возможности «идеального» и бесконфликтного решения национального вопроса базируется на тех отдельных исследованиях, посвященных этнической истории народов России, в которых проводятся элементы концепции «золотого века», периодов истории «национального расцвета» отдельных этнических групп, прерванных, по «оценкам» отдельных представителей экспертного научного сообщества, российской или советской «оккупацией» [17–19; 20. Л. 3; 21–24].

Другим фактором, на котором основывается критика современного курса национальной политики, стала попытка формирования исторической памяти этноса. Безусловно, обращение к тем или иным историческим сюжетам в региональной историографии, обсуждение их в Сети, как и в целом в СМИ, поддерживает историческую память народа, способствует развитию его этнической идентичности и консолидации, определению его места в истории этноса и страны в целом. Точкой отсчета может быть любое значимое историческое событие. От этого события или факта (группы событий и фактов) «отстраиваются» историческое место народа и его роль в происходящих процессах в стране и мире. Таким событием, например для северокавказских и западнокавказских народов, является Кавказская война XIX в. Проблематика, связанная с ней, и, как следствие, формирование так называемого «черкесского вопроса» в историографии, его широкое

обсуждение в СМИ вплоть до настоящего времени актуальны для всего кавказского мира [25, 26]. В том и другом случае мы сталкиваемся с перманентными и накладывающимися друг на друга процессами исторического мифотворчества, прежде всего в среде научной и творческой национальной интеллигенции, которое может оказывать влияние на государственные институты, отвечающие за идеологическое обоснование национальной политики.

Этому есть и прецеденты, относящиеся к началу 1990-х гг. Так, в Республике Хакасия лидерами национально-общественного движения хакасского народа и Ассоциации хакасского народа «Тун» были подготовлены итоговые документы (например, проект положения «О статусе съезда и Народного Совета хакасского народа») для IV и V съездов хакасского народа. В них предусматривалось право уполномоченных съезда участвовать в работе органов государственной власти, право законодательной инициативы по вопросам, затрагивавшим интересы хакасского народа, за съездом закреплялось право veto на решения высших органов власти и управления Республики Хакасия на акты, «... ущемляющие интересы коренного народа...» [20. Л. 3, 10, 11]. Деятельность съездов и принимаемые ими документы хакасскими исследователями оценивались однозначно позитивно, трактовались в контексте «пробуждения национального самосознания» хакасов и их политической активизации, осознания факта, что хакасы являются «государствообразующим титульным этносом Республики Хакасия» [27. С. 105, 106]. И в то же время в региональной историографии не была отмечена нестабильность текущей политической и этносоциальной ситуации в республике в целом [21].

Другой пример отражает ситуацию уже на Черноморском побережье Западного Кавказа и связан с обострением «черкесского вопроса». В частности, это проявилось в региональной историографии в попытках возложить вину за начало Кавказской войны XIX в. полностью на российское правительство, в продвижении тезисов о «захвате», «завоевании», «колонизации», «порабощении» Россией кавказских горцев [24. С. 44; 28. С. 122–123]. В ряду работ с подобными оценками в региональной историографии резко выделяются разработки А.В. Сивера, связанные с анализом мифов о «золотом веке», «упадке» и «возрождении» адыгов и шапсугов (субэтнос адыгов, коренной малочисленный народ, проживают на Черноморском побережье). На основе анализа разнообразных источников исследователь приходит к выводу, что в случае с шапсугами эти мифы ориентированы на процесс этнополитической консолидации, проявившийся в лозунге о «возрождении» Шапсугского национального района. В начале 1990-х гг. лозунг автономизации стал решающим в давлении на региональные и местные органы власти [29. С. 135–136, 145–147]. Ярким проявлением конфронтации стал снос в августе 1990 г. памятника создателю Черноморской линии – адмиралу П.М. Лазареву – в пос. Лазаревском (агломерация Большого Сочи). Поводом было «мнение» шапсугской общности об «оскорблении национальных чувств» [Там же. С. 134].

С начала 1990-х гг. популярным стало определение «врага» по этническому признаку. По своему содержанию при проявлениях мифа мы имеем дело с латентным, многоуровневым и многокомпонентным этнокультурным процессом, составляющим этническую самоидентификацию, но не имеющим прямого отношения к процессу исторического познания [16]. Его деструктивный характер во многом определяется отечественной традицией «принижения» (в сравнении со странами Европы) своей страны, ее истории и культуры, опыта государственного строительства и т.д. Такая традиция отсутствует в зарубежной историографии и в государствах, имеющих опыт создания империй (Британия, Франция, Австрия, Турция и т.д.). Рассматривая феномен определения «врага» по этническому признаку, отметим, что формирование этнической идентификации и самосознания у некоторых малых народов РФ получило новое качество. Здесь следует подчеркнуть общеизвестное положение: принцип национального самоопределения направлен не только на обретение национальной независимости, но главное – на создание условий для развития национальной культуры, языка, традиций, включая и религиозные, как гарантий психологической безопасности и стабильности. С этой целью используется так называемая в социологической литературе стратегия «социального творчества» (А. Тэшфел и Дж. Тернер). В нашем контексте этнические меньшинства выбирают другую стратегию, определяемую как «самоидентификация с негативной оценкой группы», что ведет к прямо противоположному – формированию ощущения неполноценности своего этноса, обостренному восприятию дискриминации, занижению самооценки личности. Основными в исследованиях, отражающих эти тенденции, являются тезисы об «оккупации русскими (Россией)» и «геноциде» какого-либо этноса, его «искусственной русификации», «утрате» национальной культуры, традиций, родного языка, необходимости сохранения их уникальности, появления мотива восстановления этнической справедливости [26].

Обозначенными тенденциями во многом определяются проблемы современной отечественной историографии, ограничивающие возможности анализа российского и зарубежного опыта и научного прогнозирования изменений этносоциальной и этнополитической ситуации в современной России, и системы взаимоотношений государства и научных школ историографии. Прослеживается это в том, что накопленный нашей наукой опыт комплексного обследования полиэтнического и поликонфессионального населения страны, его социальных институтов и культуры как основы будущего реформирования, анализа элементов традиционной экономики с использованием методов клиометрии был полностью проигнорирован в ходе модернизации политической и экономической структуры РФ в начале 1990-х гг. Повсеместная ликвидация социалистических форм организации сельскохозяйственного и промышленного хозяйства, приватизация движимой и недвижимой собственности в национальных районах в этот период проводились без учета этнического состава населения, проявляясь на низовом уровне мно-

гоукладной сельской экономики, этнической и этносоциальной стратификации населения, определяемой ранее политической составляющей повседневной жизни. То, что на уровне субъектов РФ приватизация была синхронизирована с процессами формирования правового поля, оформляющими институт частной или акционерной собственности, придало этническим процессам стратификации латентный (скрытый) характер. Сложилась парадоксальная ситуация, когда в процессе переформатирования в 1990–2000-е годы в объект исследования практически не включалась система межрегиональных и внутрирегиональных территориальных связей, формирования региональных элит, институтов гражданского общества, включая национальные общественные и экологические организации. Во многом это было связано и с тем, что кризисное состояние Российской академии наук и высшей школы не способствовало проведению полевых исследований внутри- и межрегионального характера. Объемы финансирования краткосрочных проектов (не более трех лет) со стороны отечественных фондов (РФФИ, РГНФ) существенно ограничивали число привлекаемых специалистов, время экспедиционных работ, сроки обработки данных, включая архивные, в то время как при выявлении лакун в исследовании социально-экономической истории современной России в целом и «локальной», или региональной, истории в частности [30, 31] для адекватной оценки изменения этносоциальной обстановки был особо необходим максимально большой объем информации о процессах, инициированных проводимой государством политики. В этой связи объемы выборок, определяемые в ходе этносоциальных (полевых) исследований, как правило, имели ограниченный характер, а получаемые выводы репрезентативны только для выборочных полигонов и только на заданный хронологический отрезок. Формирование электронных библиотек, вывод на интернет-ресурс ранее труднодоступных источников по этнической истории народов Российской Федерации, формирование со стороны общественных национальных организаций «социального запроса» на исследование малоизученных периодов этнической истории, переоценка положений советской историографии, анализ современной этносоциальной обстановки в местах компактного проживания этнических меньшинств объективно способствуют формированию двух тенденций.

С одной стороны, создание информационного поля и социальный запрос инициировали появление работ (включая диссертационные исследования), базирующихся на вторичном анализе историографических источников. Эта тенденция имеет явно разноректорную направленность. Следует только приветствовать стремление отечественных исследователей закрыть «информационные лакуны»: этническая история народов России, последовательно выводится из контекста ее политической истории. Объективно формируются условия для наполнения региональных учебников, посвященных истории, культуре и современной жизни народов России, формирующих условия для «снятия обвинений» с академической исторической науки, якобы игнорировавшей национальную проблематику, вывода из предметной

области исследований сюжетов, связанных с механизмом формирования очагов перманентной межэтнической и межконфессиональной напряженности. В то же время нельзя не отметить, что при ограничении начиная с 1990-х гг. возможностей работы в центральных и региональных архивах, полевых исследований ориентация в большей степени на историографические источники резко сужает предметную область исследований и ограничивает возможность использования широкого спектра научного инструментария. В результате мы сталкиваемся с феноменом «нового» знания, полученного не столько путем выявления на базе источников и наблюдений, их анализа и описания социальных явлений и процессов, сколько на основе переоценки по заданным в зарубежной историографии лекалам более ранних выводов, сделанных предшественниками. К обозначенным в современной историографии методологическим подходам, как правило, не прилагается использованный алгоритм исследования – перечень технических операций, связанных с поиском, обработкой, определением репрезентативности вводимых в научный оборот источников: архивных (делопроизводственных), историографических, массовых (включая материалы полевых исследований и опросов населения).

Обозначенное нами мнение в полной мере относится, например, к проблематике, связанной с применением в исследованиях по этнической истории цивилизационного подхода, с отказом от формационного и позитивистского подходов, в рамках которых советской историографией и был выработан категорийнопонятийный аппарат [22]. Отторжение оценок, сформированных на основе этих методологических подходов, к сожалению, ведет в региональной историографии к моделированию социальных связей и институтов, существование которых сложно подтвердить, к примеру существование государственных образований у малых этносов, наличие у них государственности, органов государственной власти и др. В этом контексте выявление и характеристика исторического и этносоциального аспектов содержания (эффективности) национальной политики российского / советского государства последних двух столетий, формирование фактической основы для научного прогнозирования изменения этносоциальной обстановки на федеральном и региональном уровнях существенно затруднены.

С другой стороны, следует отметить, что в настоящее время предпринимаются первые, достаточно робкие попытки применения системного подхода, имеющего как в естественных науках, так и в социальной антропологии четко определенный алгоритм исследования, что дает возможность изучать политические, экономические, социальные, культурные, этнические и конфессиональные процессы во взаимосвязи. Особое внимание акцентируем на том, что в отечественной историографии прослеживается тенденция системного решения задач по введению в научный оборот нового корпуса источников и формализации применяемого инструментария исследования социальных процессов в национальных районах Российской Федерации. Речь идет о таком формате исследования, как этнологические экспертизы [32–38]. По своей структуре этот

формат не выпадает из отечественной традиции комплексного обследования локальных этнических групп, что позволяет проводить компаративный анализ (по строго заданному перечню индикаторов) эффективности национальной политики на разных этапах российской государственности в заданных предметным полем исследования территориальных рамках. Расчет и оценка демографических параметров, индикаторов обеспеченности движимой и недвижимой собственностью, этнической и этносоциальной стратификации, сохранения этнической и конфессиональной самоидентификации определяют алгоритм компаративного анализа эффективности российского государства по отношению к зарубежным странам, перед которыми стояли и стоят идентичные задачи. Реализация этой возможности обуславливается тем, что разработанный и апробированный в отечественной историографии инструментарий исследования не имеет принципиальных отличий от использованных зарубежными школами социальной и прикладной антропологии [39–42].

Исторический аспект анализа эффективности национальной политики в этой группе формируемых источников определяется тем, что исследование текущей этносоциальной обстановки осуществляется в контексте не только текущих политических, социально-экономических процессов. Объект исследования – локальные этнические сообщества – рассматривается в контексте социо- и культурогенеза, процессов, выявленных на основе широкого спектра источников, охватывающих достаточно длительный хронологический период – от нескольких десятилетий до столетий. Этот подход ориентирован на интеграцию этнической истории в контекст региональных исторических процессов и истории российского государства в целом, определение на этой основе очагов перманентной межэтнической напряженности, научный прогноз изменения этносоциальной обстановки, определение перечня апробированных органами государственной власти социальных технологий по нейтрализации средне- и долгосрочных последствий проводимой национальной политики.

Заключение

В условиях «информационного взрыва», проявившегося в резком увеличении количества научных, научно-популярных, публицистических работ по национальной проблематике, в отечественной историографии обозначилась проблема оценки не столько их новизны, которая часто определяется сменой научных парадигм, сколько степени обоснованности публикуемых суждений, выводов и рабочих гипотез. В отечественной историографии 1980–2000-х гг., посвященной анализу текущей этносоциальной обстановки, отчетливо прослеживаются тенденции поиска и апробации новых методологических подходов в исследовании социальных процессов в среде этнических меньшинств. Появился новый формат интеграционных исследований – этнологические экспертизы, позволяющий рассматривать современные этнические процессы в контексте региональных политических, социально-экономических, этнокультурных процессов за достаточно долгий хро-

нологический отрезок (одно-два столетия). Спецификой подобных исследований является их ориентация на включение современных этнических процессов в контекст генезиса государственных институтов, политических, социально-экономических и культурных процессов по всей территории страны вне зависимости от форм государственного устройства, политических режимов, идеологических конструкторов. В процессе исследований формируется новая источниковая база. Использование массовых статистических источников позволяет придать процедуре выявления латентных процессов четко заданную последовательность (алгоритм).

В то же время спектр используемых методологических подходов и научного инструментария, ограниченное количество исследований интеграционного характера на стыке естественных, общественных и гуманитарных исследований отражают сопутствующую проблему – качественной подготовки кадров, необходимых органам государственной власти и отвечающих за реализацию национальной политики в субъектах РФ. Проявляется это прежде всего в ограниченном числе научных коллективов, ориентированных на мониторинг текущей этносоциальной ситуации, на проведение этнологических экспертиз, исследование этнической истории народов России. В отличие от англо-американской историографии в Российской Федерации пока не сформировались школы прикладной антропологии, ориентированные на реализацию проектов по проблематике, актуальной как для органов власти, так и для институтов гражданского общества – общественных, экологических, национальных общественных организаций.

Резюмируя, отметим, что смена научной парадигмы формирует возможность «наполнить» этническую историю народов России, создав непрерывную связь между имперским, советским и постсоветским периодами путем отражения характера трансформации традиционной системы социальной организации, природопользования, жизнеобеспечения, адаптации этнических меньшинств к политической истории страны через механизмы этнической и социальной стратификации, формирование этнических секторов экономики, а также позволяет схематизировать квалификационные уровни проводимых исследований этносоциального характера: на начальном этапе методической подготовки (магистратура, аспирантура) сконцентрировать внимание на уже накопленном опыте проведения исследований в национальных районах – процедурах выявления, обработки, научной критики на основе принципов системного подхода работ предшественников, на следующем (докторантура) – на освоении и использовании современных методик прикладной антропологии, направленных на выявление и анализ латентных социальных процессов, определяющих социо- и культурогенез изучаемых этносов, систему внутри- и межэтнических коммуникаций, динамику изменения этносоциальной обстановки в субъектах РФ.

Предлагаемый подход объективно инициирует динамичное и качественное изменение предметного поля исследований, определяет возможность проведения интеграционных исследований на стыке истории,

классической этнографии, этнологии, социологии, политологии и культурологии, а также адаптации прово-

димых исследований к стоящим перед российским государством задачам устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурашко О.А. «Этнологическая экспертиза» в России и международные стандарты оценки воздействия проектов на коренные народы. М., 2006. 107 с.
2. Садовой А.Н. Этнологическая экспертиза в системе регионального этнологического мониторинга // Прикладная этнология и актуальные проблемы государственной этнонациональной политики в регионах Западной Сибири. Механизмы взаимодействия власти, науки, общественности. Кемерово, 2013. С. 67–83.
3. Садовой А.Н. К закону об этнологической экспертизе в Российской Федерации // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2018. № 2 (42). С. 6–23.
4. Новикова Н.И. Этнологическая экспертиза: на перекрестке истории, этнологии и юридической антропологии // Интеграция археологических и этнографических исследований : сб. науч. тр. Казань, 2010. Ч. 1. С. 76–80.
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года : принята Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 04.02.2020).
6. Robert D. Arnold Alaska Native Land Claims. Anchorage : Alaska Native Foundation, 1976. 348 p.
7. Mc Beath G.A., Morehouse T.A. Alaska native self-government : study for Department of Indian and Northern Affairs. Ottawa, NA, 1980. 125 p.
8. Case D. Alaska natives and American laws. Fairbanks, 2012. 586 p.
9. Hippler A.E., Conn S. Tradition Athabaskan Ways and Their Relationship to Contemporary Problems of «Bush Justice». Some Preliminary Observations on Structure and Function // ISEGR Occasional Papers. 1972. № 7, August.
10. Садовой А.Н. Опыт землеустройства в зонах сохранения традиционных систем жизнеобеспечения (Аляска - Южная Сибирь, XX в.) // Сибирь в панораме тысячелетий : материалы междунар. симпозиума. Новосибирск, 1998. Т. 2. С. 433–440.
11. Садовой А.Н. Технично-экономическое обоснование правовой регуляции традиционных систем жизнеобеспечения (Прикладная антропология. Аляска – США) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы годовой сессии ИАиЭт СО РАН. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 594–599.
12. Садовой А.Н. Традиционная система жизнеобеспечения гвйтчин бассейна р. Чандалар и региональная национальная политика США на Аляске // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Новосибирск, 2000. Вып. 1. С. 78–99.
13. Садовой А.Н. Коренные народы Аляски: проблемы межкультурной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 13. С. 83–90.
14. Садовой А.Н. Народы Южной Сибири в XIX–XX вв. Этносоциальные аспекты патернализма : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 2000. 48 с.
15. Белозёрова М.В. Переселенческая политика и некоторые проблемы хозяйственного освоения Сибири в 1910–1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9). С. 118–124.
16. Садовой А.Н. Историческое мифотворчество в структуре этнологической экспертизы // Миф в истории, политике, культуре / под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь : Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе. Севастополь, 2019. С. 398–402. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 04.02.2020).
17. Грошева Г.В. Хакасский этнос в системе российского федерализма (1990-е – 2000-е гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 27 с.
18. Касьянов Г. Украина-1990: «бои на историю» // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83> (дата обращения: 10.04.2019).
19. Туужекова В.Н., Карачакова О.М. Межнациональные отношения в Хакасии в конце XX века. Абакан, 2005. 103 с.
20. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 96.
21. Белозёрова М.В. К проблеме проявления национального сепаратизма у коренных народов Южной Сибири: XX столетие // Вестник Томского госуниверситета. 2008. № 312. С. 69–73.
22. Белозёрова М.В. Цивилизационный подход в исследованиях общества Западного Кавказа: методологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 43. С. 27–35.
23. Кривенюк А. Ответит ли Россия на «черкесский вопрос»? // «Грузия сегодня». 2012. 22 мая. URL: <http://www.georgiatimes.info/articles/76175-1.html> (дата обращения: 16.06.2014).
24. Кудашва С.Г. Адыги (черкесы) Северо-Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2006. 59 с.
25. Кавказская война (1817–1864): между памятью и историей : онлайн-дискуссия // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (дата обращения: 12.06.2014).
26. Белозёрова М.В. Историческое мифотворчество и проблемы этнической идентичности у коренных народов юга России (конец 1980-х – 2010-е гг.) // Миф в истории, политике, культуре / под ред. О.А. Габриеляна, А.В. Ставицкого, В.В. Хапаева, С.В. Юрченко. Севастополь: Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в городе Севастополе. Севастополь, 2019. № 3. С. 344–349. URL: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik-_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf (дата обращения: 10.04.2019).
27. Карачакова О.М. О значении первых съездов хакасского народа (1990–1992 гг.) // Актуальные проблемы истории Саяно-Алтая. Абакан, 2003. Вып. 4. С. 99–106.
28. Белозёрова М.В. Интеграционные процессы в Сочинском Причерноморье во второй половине XIX – первой трети XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 122–132. DOI: 10.17223/15617793/447/15
29. Сивер А.В. Шапсуги. Этническая история и идентификация. Нальчик, 2002. 216 с.
30. Зиновьев В.П. Локальные исследования и большая история // Томск советский : материалы гор. науч.-практ. конф. Том. регион. отд-ния Общерос. обществ. объединения «Российские ученые социалистической ориентации». Томск : Издательство ИОА СО РАН. 2003. С. 95–98.
31. Зиновьев В.П. Экспертиза скрытой социальной напряженности и проявлений экстремизма, ксенофобии // Археология и этнография Приобья : материалы и исследования : сб. тр. каф. археологии и этнологии. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2008. Вып. 2. С. 46–55.
32. Мурашко О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы: оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп малочисленных народов Севера. М., 2002. 131 с.
33. Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозёрова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Оценка воздействия ООО «МетАЛ» (ОАО ММК – Магнитогорский металлургический комбинат) и УК «Южный Кузбасс» (стальная группа «Мечел») на системы жизнеобеспечения автохтонного и русского населения Чувашинской сельской администрации МО «Город Мыски». Кемерово, 2005. Вып. 1. 216 с.
34. Бойко В.И., Садовой А.Н., Нечипоренко О.В., Поддубиков В.В., Белозёрова М.В. и др. Этнологическая экспертиза. Этнополитические, социально-экономические и этнодемографические процессы в среде телеутов Беловского и Гурьевского района Кемеровской области. Новосибирск, 2008. Вып. 2. 232 с.

35. Удыгейцы: охотники и собиратели реки Бикин : (этнологическая экспертиза 2010 года). М., 2010. 163 с.
36. Василькова Т.Н., Еврай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики : (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М. ; Шадринск, 2011. 267 с.
37. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012. 133 с.
38. Новикова Н.И. Охотники и нефтяники. Исследования по юридической антропологии. М. : Наука, 2014.
39. Садовой А.Н., Пруель Н.А. Этносоциальный мониторинг: принципы, методы, практика : науч.-метод. комплекс. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1996. 168 с.
40. Методы этнологической экспертизы / под ред. В.В. Степанова. М., 1999. 207 с.
41. Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу / под ред. С. В. Чешко. М., 2006. С. 10–63.
42. Поддубиков В.В., Садовой А.Н., Белозёрова М.В. Экспертиза и мониторинг традиционных форм природопользования коренных малочисленных этносов : методы прикладной этнологии. Кемерово, 2014. 358 с.

Alexander N. Sadovoy, Subtropical research center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: sadovoy.a.n@gmail.com

Marina V. Belozherova, Subtropical research center of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozherova@mail.ru

Vasily P. Zinoviev National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Vladislav M. Kulemzin National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bersa@sibmail.com

HISTORICAL AND ETHNOSOCIAL ASPECTS OF ANALYSIS OF THE EFFICIENCY OF THE RUSSIAN STATE NATIONAL POLICY OF THE XIX–XXI CENTURIES

Key words: national policy, methodology, methodology, ethnosocial situation, ethnological expertise, historical myth-making.

The authors of the article indicate a circle of methodological problems that have emerged in historiography, devoted to assessing the Russian national policy effectiveness in the 19th and early 21st centuries. The main trends in the subject area of research, determined by the inclusion of modern ethnic processes in the context of the genesis of state institutions, political, socio-economic and cultural processes and ideological constructs.

The article notes the interdependence of the problems: a limited circle of methods used by researchers, integration studies at the intersection of social and natural sciences, as well as specialists involved as experts by executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation responsible for the implementation of national policy. This tendency is manifested in a limited number of research teams, focused on the current ethnosocial situation monitoring and Russian peoples' ethnic history studying.

At the same time, it was noted that scientific paradigm change and conducting integration studies makes it possible to adjust the concept of the native's Russian peoples' ethnic history through the determination of the mechanism of continuity and interdependence of the Russian government regional national policy in the imperial, Soviet and post-Soviet periods. It's proposed to identify the interdependence of political courses through the identification of processes: a) the environmental management, native's traditional social organization and subsistence systems transformation; b) ethnic minorities adapt to the country's political history through ethnic and social stratification, economy ethnic sectors formation.

The article suggests schematizing the qualification levels of ongoing ethnosocial studies.

At the initial stage (master's program, postgraduate) it's proposed to focus on the accumulated experience of national regions researching procedures for identifying, processing, scientific criticism, based on the principles of a systematic approach to the predecessor works. At the next stage (doctoral studies) it is proposed to focus on the modern techniques of applied anthropology development. To focus on methods for identifying and analyzing latent social processes that determine: a) the socio-cultural genesis of the studied ethnic groups; b) a system of intra- and interethnic communications; c) the dynamics of changes in the ethnosocial situation in the constituent entities of the Russian Federation.

The proposed strategy of abandoning the axiological approach to assessing the effectiveness of national policies objectively initiates a dynamic and qualitative change of the research subject field; the formation of the possibility of integration studies at the intersection of history, classical ethnography, ethnology, sociology, political science and cultural science. Changing the training system for ethnologists and historians of national politics in the Russian Academy of Sciences and higher education systems will allow us to adapt our research to the sustainable development of national regions of Russian Federation.

REFERENCES

1. Murashko, O.A. (2006) *"Etnologicheskaya ekspertiza" v Rossii i mezhdunarodnye standarty otsenki vozdeystviya proektov na korennye narody* [Ethnological expertise in Russia and international standards for assessing the impact of projects on indigenous peoples]. Moscow: Association of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation.
2. Sadovoy, A.N. (2013) Etnologicheskaya ekspertiza v sisteme regional'nogo etnologicheskogo monitoringa [Ethnological expertise in the system of regional ethnological monitoring]. In: *Prikladnaya etnologiya i aktual'nye problemy gosudarstvennoy etnonatsional'noy politiki v regionakh Zapadnoy Sibiri. Mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti, nauki, obshchestvennosti* [Applied Ethnology and Actual Problems of the State Ethno-National Policy in the Regions of Western Siberia. Mechanisms of interaction between government, science, and the public]. Kemerovo: [s.n.], pp. 67–83.
3. Sadovoy, A.N. (2018) To the law on ethnological expertise in the Russian Federation. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy – Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions*. 2(42). pp. 6–23. (In Russian).
4. Novikova, N.I. (2010) Etnologicheskaya ekspertiza: na perekrestke istorii, etnologii i yuridicheskoy antropologii [Ethnological expertise: at the crossroads of history, ethnology and legal anthropology]. In: Tomilov, N.A. (2010) *Integratsiya arkhologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Part 1. Kazan: RT AS. pp. 76–80.
5. Russian Federation. (2012) *Strategiya gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskogo Federatsii do 2025 goda. Prinyata Ukazom Prezidenta RF ot 19.12.2012 g. №1666* [The strategy of state national policy of the Russian Federation until 2025. Adopted by Decree No. 1666 of the President of the Russian Federation of December 19, 2012]. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (Accessed: 4th February 2020).
6. Arnold, R.D. (1976) *Alaska Native Land Claims*. Anchorage: Alaska Native Foundation.
7. Mc Beath, G.A. & Morehouse, Th.A. (1980) *Alaska native self-government (study for Department of Indian and Northern Affairs*. Ottawa, Ontario, Canada: [s.n.].
8. Case, D.S. & Voluck, D.A. (2012) *Alaska natives and American laws*. Fairbanks: University of Alaska Press.
9. Hippler, A.E. & Conn, S. (1972) Tradition Athabascan Ways and Their Relationship to Contemporary Problems of "Bush Justice". Some Preliminary Observations on Structure and Function. *ISEGR Occasional Papers*. 7.

10. Sadovoy, A.N. (1998) Opyt zemleustroystva v zonakh sokhraneniya traditsionnykh sistem zhizneobespecheniya (Alyaska – Yuzhnaya Sibir', XX v.) [Land management experience in conservation zones of traditional life support systems (Alaska – South Siberia, 20th century)]. In: Molodin, V.I. (ed.) *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the panorama of millennia]. Vol. 2. Novosibirsk: SB RAS. pp. 433–440.
11. Sadovoy, A.N. (2001) Tekhniko-ekonomicheskoe obosnovanie pravovoy regulatsii traditsionnykh sistem zhizneobespecheniya (Prikladnaya antropologiya. Alyaska – SShA) [Feasibility study of the legal regulation of traditional life support systems (Applied Anthropology. Alaska – USA)]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (ed.) *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Vol. 7. Novosibirsk: SB RAS. pp. 594–599.
12. Sadovoy, A.N. (2000) Traditsionnaya sistema zhizneobespecheniya gvitchin basseyna r. Chandalar i regional'naya natsional'naya politika SShA na Alyaske [The traditional life support system of the Gvitchin river basin. Chandalar and US Regional National Policy in Alaska]. In: Sadovoy, A.N. & Gemuev, I.N. *Traditsionnye sistemy zhizneobespecheniya i regional'naya natsional'naya politika* [Traditional Life Support Systems and Regional National Policy]. Issue 1. Novosibirsk: SB RAS. pp. 78–99.
13. Sadovoy, A.N. (2010) Alaska Natives: Problems of Intercultural Communication. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 13. pp. 83–90. (In Russian).
14. Sadovoy, A.N. (2000) *Narody Yuzhnoy Sibiri v XIX-XX vv. Etnosotsial'nye aspekty paternalizma* [The peoples of South Siberia in the 19th – 20th centuries. Ethnosocial aspects of paternalism]. Abstract of History Dr. Diss. St. Petersburg.
15. Belozerovala, M.V. (2010) Pereselencheskaya politika i nekotorye problemy khozyaystvennogo osvoeniya Sibiri v 1910-1920-e gg. [Migration policy and some problems of the economic development of Siberia in the 1910-1920s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal*. 1(9). pp. 118–124.
16. Sadovoy, A.N. (2019) Istoricheskoe mifotvorchestvo v strukture etnologicheskoy ekspertizy [Historical myth-making in the structure of ethnological expertise]. In: Gabrielyan, O.A., Stavitsky, A.V., Khapaev, V.V. & Yurchenko, S.V. (eds) *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol: Branch of MSU. pp. 398–402. [Online] Available from: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf.
17. Grosheva, G.V. (2008) *Khakasskiy etnos v sisteme rossiyskogo federalizma (1990-e – 2000-e gg.)* [Khakass ethnos in the system of Russian federalism (1990s – 2000s)]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk.
18. Kasyanov, G. (2007) Ukraina-1990: “boi na istoriyu” [Ukraine-1990: “battles on the history”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 83. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83> (Accessed: 10th April 2019).
19. Tuguzhekova, V.N. & Karachakova, O.M. (2005) *Mezhnatsional'nye otnosheniya v Khakasii v kontse XX veka* [Interethnic relations in Khakassia at the end of the twentieth century]. Abakan: [s.n.].
20. The Central State Archive of the Republic of Khakassia (TsGARKh). Fund R-782. List 1. File 96.
21. Belozerovala, M.V. (2008) K probleme proyavleniya natsional'nogo separatizma u korennykh narodov Yuzhnoy Sibiri: XX stoletie [On the problem of manifestation of national separatism among the indigenous peoples of Southern Siberia: the twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosuniversiteta – Tomsk State University Journal*. 312. pp. 69–73.
22. Belozerovala, M.V. (2018) The civilizational approach in the Western Caucasus society study: methodological aspect. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 43. pp. 27–35. (In Russian).
23. Krivenyuk, A. (2012) Otvetit li Rossiya na “cherkesskiy vopros”? [Will Russia answer the “Circassian question”?]. *Gruziya segodnya*. 22nd May. [Online] Available from: <http://www.georgiatimes.info/articles/76175-1.html> (Accessed: 16th June 2014).
24. Kudaeva, S.G. (2006) Adygi (cherkesy) Severo-Zapadnogo Kavkaza: protsessy transformatsii i differentsiatsii adygskego obshchestva (XIX v.) [Adygs (Circassians) of the North-West Caucasus: the processes of transformation and differentiation of the Adyghe society (19th century)]. Abstract of History Dr. Diss. Makhachkala.
25. Neflyasheva, N. et al. (2014) *On-layn diskussiya – Kavkazskaya voyna (1817–1864): mezhdru pamyat'yu i istoriey* [On-line discussion – The Caucasian War (1817–1864): between memory and history]. [Online] Available from: <http://www.kavkaz-uzel.ru/forum/topics/3100> (Accessed: 12th June 2014).
26. Belozerovala, M.V. (2019) Istoricheskoe mifotvorchestvo i problemy etnicheskoy identichnosti u korennykh narodov yuga Rossii (konets 1980-kh – 2010-e gg.) [Historical myth-making and problems of ethnic identity among the indigenous peoples of the south of Russia (late 1980s – 2010s)]. In: Gabrielyan, O.A., Stavitsky, A.V., Khapaev, V.V. & Yurchenko, S.V. (eds) *Mif v istorii, politike, kul'ture* [Myth in history, politics, culture]. Sevastopol: Branch of MSU. pp. 344–349. [Online] Available from: https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/11/Sbornik_Mif-2019-s-oblozhkoi.pdf.
27. Karachakova, O.M. (2003) O znachenii pervykh s'ezdov khakasskogo naroda (1990–1992 gg.) [On the significance of the first congresses of the Khakass people (1990–1992)]. *Aktual'nye problemy istorii Sayano-Altaya*. 4. pp. 99–106.
28. Belozerovala, M.V. (2019) Integration processes at the Sochi coast of the Black Sea in the second half of the 19th – the first third of the 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 447. pp. 122–132. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/447/15
29. Siver, A.V. (2002) *Shapsugi. Etnicheskaya istoriya i identifikatsiya* [Shapsugi. Ethnic history and identification]. Nalchik: Poligrafservis i T.
30. Zinoviev, V.P. (2003) [Local studies and the big history]. *Tomsk sovetskiy* [The Soviet Tomsk]. Proc. of the Conference. Tomsk: SB RAS. pp. 95–98. (In Russian).
31. Zinoviev, V.P. (2008) Ekspertiza skrytoy sotsial'noy napryazhennosti i proyavleniy ekstremizma, ksenofobii [Examination of hidden social tension and manifestations of extremism, xenophobia]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archeology and Ethnography of Priobye]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 46–55.
32. Murashko, O.A. (2002) Opyt provedeniya etnologicheskoy ekspertizy: otsenka potentsial'nogo vozdeystviya programmy OAO “Gazprom” poiskovo-razvedochnykh rabot v akvatoriyakh Obskoy i Tazovskoy gub na komponenty ustoychivogo razvitiya etnicheskikh grupp malochislennykh narodov Severa [Experience in conducting an ethnological examination: assessing the potential impact of the Gazprom program of exploration in the Ob and Taz Bay on the components of sustainable development of ethnic groups of Northern small peoples]. Moscow: [s.n.].
33. Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozerovala, M.V. et al. (2005) *Etnologicheskaya ekspertiza. Otsenka vozdeystviya OOO “MetAL” i UK “Yuzhnyy Kuzbass” (stal'naya gruppa “Mechel”) na sistemy zhizneobespecheniya avtokhtonnoy i russkogo naseleniya Chuvashskoy sel'skoy administratsii* [Ethnological expertise. Assessment of the impact of LLC “MetAL” (OJSC MMK – Magnitogorsk Iron and Steel Works) and UK “Southern Kuzbass” (steel group “Mechel”) on the life support systems of the indigenous and Russian population of the Chuvashinsky rural administration]. M.O. Myski. Kemerovo.
34. Boyko, V.I., Sadovoy, A.N., Nechiporenko, O.V., Poddubikov, V.V., Belozerovala, M.V. et al. (2008) *Etnologicheskaya ekspertiza. Etnopoliticheskie, sotsial'no-ekonomicheskie i etnodemograficheskie protsessy v srede teleutov Belovskogo i Gur'evskogo rayona Kemerovskoy oblasti* [Ethnological expertise. Ethnopolitical, socio-economic and ethno-demographic processes among the Teleuts of the Belovsky and Guryevsky districts of the Kemerovo Region]. Novosibirsk: [s.n.].
35. Zvidennaya, O.O. & Novikova, N.I. (2010) *Udygeytsy: okhotniki i sobiratel'i reki Bikin (Etnologicheskaya ekspertiza 2010 goda)* [The Udege: hunters and gatherers of the Bikin River (Ethnological Expertise 2010)]. Moscow: Strategiya.
36. Vasilkova, T.N., Evray, A.V., Martynova, E.P. & Novikova, N.I. (2011) *Korennyye malochislennyye narody i promyshlennoe razvitiye Arktiki (Etnologicheskii monitoring v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge)* [Indigenous peoples and industrial development of the Arctic (Ethnological monitoring in the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. Moscow; Shadrinsk: [s.n.].

37. Martynova, E.P. & Novikova, N.I. (2012) *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya* [Taz Nenets in oil and gas development]. Moscow: RAS.
38. Novikova, N.I. (2014) *Okhotniki i neftyaniki. Issledovaniya po yuridicheskoy antropologii* [Hunters and oilmen. Studies in legal anthropology]. Moscow: Nauka.
39. Sadovoy, A.N. & Pruel, N.A. (1996) *Etnosotsial'nyy monitoring: printsipy, metody, praktika* [Ethnosocial monitoring: principles, methods, practice]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
40. Stepanov, V.V. (ed.) (1999) *Metody etnologicheskoy ekspertizy* [Methods of ethnological examination]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.
41. Yamskov, A.N. (2006) Etnoekologicheskie ekspertizy v mezhdunarodnykh organizatsiyakh [Ethno-ecological expertise in international organizations]. In: Cheshko, S.V. (ed.) *Etnologiya obshchestvu* [Ethnology for society]. Moscow: Orgservis-2000. pp. 10–63.
42. Poddubikov, V.V., Sadovoy, A.N. & Belozerova, M.V. (2014) *Ekspertiza i monitoring traditsionnykh form prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh etnosov: metody prikladnoy etnologii* [Examination and monitoring of traditional forms of environmental management of indigenous minorities: methods of applied ethnology]. Kemerovo: Praktika.